

У ИСКУССТВА ДОЛЖНА БЫТЬ ДУША

Имя одного из самых известных советских прозаиков Василия Ивановича Блосва хорошо знакомо советским и зарубежным читателям. Писатель был гостем нашего города. С автором повести «Привычное дело», романа «Кануны», знаменитых «Плотницких рассказов», юмористических

миниатюр «Бухтины вологодские», публицистических очерков «Лад», пьес «Над светлой водой», «Сцены из районной жизни» мы встретились совсем недавно в Вологде. Разговор шел долгий и интересный о современной драматургии, театре, литературно-художественной критике.

Рядом с интересным собеседником

— Василий Иванович, интересно узнать о вашем отношении к современному искусству, к позиции писателя, художника, критика в современном мире.

— Мое отношение к театру очень традиционно. То, что называют отсталым, архаичным, подчас оказывается самым нужным. Сегодня демагогический способ ставить вещи с ног на голову становится почти традиционным. Наивный читатель принимает это всерьез. Честная критика не может так поступать. Во имя самосохранения литератор иногда идет на компромисс со своей совестью, и получают однодневные оценки и материалы.

Я только что вернулся из Франции. В Париже я третий раз. На этот раз побывал в музее импрессионистов, великих художников. В одном зале я увидел удивительный портрет женщины. Прекрасная живопись! А рядом вывешена картина Тулуз-Лотрека — отвратительная. Вот демагогический способ подхода к искусству. То же самое я заметил в музее Родена. В самом главном востигиале среди прекрасных скульптур нет-нет да и замечается самую отвратительную физиономию. Приучают зрителя к тому, что и то и другое — искусство. И неискушенный зритель привыкает к таким вещам. Но демагогия остается демагогией, порнография — порнографией.

То же впечатление произвел на меня и национальный центр имени Помпиду. Здесь все перевернуто, начиная с функциональной архитектуры, где сохранены одни коммуникации: вода, вентиляция... И все это разных цветов и похоже на открытое человеческое чрево, где все на виду. Такая архитектура не несет никакой эстетической нагрузки. Нет чего-то главного. Души нет. В самом центре имени Помпиду огромные залы отведены абстрактному искусству, и никто, заместы, кроме иностранцев, в эти залы не ходит.

— Как вы относитесь к критике своих произведений? Думаете ли вы о конечной цели своего труда — публикации, постановке спектакля по вашей пьесе?

— Ко мне критика относится очень пристально. Подчас много хвалит. Вообще неудобно, когда о тебе говорят. К сожалению, наша критика как-то мало говорит о молодых, мало помогает им.

Писателю не надо думать о том, как встретит его произведение критика. И нечего бояться писать «в стол». Если мы будем работать с расчетом только на публикацию, значит, ничего не получится.

Для писателя существуют две стихии. Одна — стихия писания. Она должна быть совершенно отделена от стихии публикации. Когда человек садится работать и начинает думать, где он это потом напечатает, ничего не получится.

Нельзя ставить знак равенства между критикой и рецензированием. Рецензирование — это одно, а театральная критика — это куда более сложное.

— Вы являетесь автором нескольких пьес, которые поставлены в ряде театров. С чего началось ваше драматургическое творчество?

— Мне всегда казалось, что писатель, если он, конечно, настоящий писатель, должен владеть разными литературными жанрами. Сам я тоже должен был в этом убедиться. Все перепробовал, в том числе писал и стихи. Помню, как пробовал написать комедию, когда учился в Литературном институте. А потом, после института, мне захотелось написать одну философскую штуку, где бы действовали Адам, Ева и два архангела. Эту пьесу я делал не для труппы, не для театра, а просто хотел попробовать свои возможности. Для меня очень интересен сам процесс писания.

Псковский театр поставил мою пьесу «Над светлой водой». Я был счастлив.

Потом мне захотелось написать киносценарий. Показал Шукшину. Он похвалил и потащил по студиям. Сценарий побывал на всех студиях, но дальше этого дело не пошло. Я решил расширить и опубликовать этот сценарий как повесть. Опубликовал и сразу получил предложение... экранизировать эту повесть.

В Коктебеле за три недели написал сказку «Кашей Бессмертный». Вообще у меня много всяких задумок. Мне хотелось бы написать драму из современной семейной жизни, комедию...

— А что вы можете сказать о современной драматургии?

— Вообще мои взгляды на драматургию очень традиционны. В драме должно быть начало, середина и конец. И нельзя перемешивать их. Многие современные драматурги перемешивают это. Мне кажется, суть театра — это действие. Оно должно развиваться, иначе это не захватит зрителя. Если в течение трех часов на сцене не происходит никаких событий, то зритель каким-то образом уйдет. Нельзя же путать

драму, прозу, поэзию, смешивать их, как делают многие. Мне кажется, что должна существовать чистота литературного жанра.

— Ваши прозаические произведения инсценируются и экранизируются. Как вы относитесь к театральным и телевизионным версиям прозы?

— Если я стремлюсь к жанровой чистоте, то какая может быть речь об инсценировках? Они же размывают границы жанра! Ведь Булгаков, например, не от хорошей жизни занялся инсценировкой собственной прозы. Вот я вижу «Историю лошади». Я такого произведения у Толстого не знаю. Он наверняка бы возмутился.

Я с грехом пополам допускаю, когда автор сам инсценирует свою прозу, хотя и не понимаю, как на основе романа можно создать пьесу. Пушкин писал «Бориса Годунова» для сцены, а повесть «Метель» — для чтения. Толстой же написал гениальную пьесу «Живой труп» для театра.

Теряют оба жанра, которые переводятся один с другого. Такой перевод не этичен. Мне кажется, что лучше всего — это оригинальный сценарий. Все хорошие фильмы у итальянцев, французов поставлены по оригинальным сценариям.

К телевизионной инсценировке своих «Плотницких рассказов» я отношусь отрицательно. Получилось все это статично. А для телевидения надо писать отдельно.

— Хотелось бы узнать о том, что вам близко в искусстве.

— Даже плохие постановки, роман, живопись действуют. Такова уж сила искусства. Более всего люблю Островского и Сухово-Кобылина. Мне интересна драматургия Вампилова. Он родился драматургом. У него даже студенческие этюды насковозь драматичны. Это был истинный, прирожденный драматург.

«Зори здесь тихие» в театре на Таганке — это не драматургия. Это кино в театре. Вообще влияние кино на театр огромно. Влияние это сказалось в том, что театр позаминимумал у кино калейдоскопичность.

Я очень жалею о старой актерской мхатовской школе, которая, мне кажется, вымирает: Грибов, Яншин... У современного актера подчас воспитывается какая-то всеядность — играть все. Иногда актер забывает о партнере, часто «играет на публику».

Из современных советских прозаиков мне нравится Крупин. Он очень честный писатель. Люблю американскую литературу: Фицджеральд, Хемингуэй, Фолкнер.

Беседу записал

С. ЧУЯНОВ.